

ВСПОМИНАЯ И ЗАПИСЫВАЯ

На снимке: Вл. И. Немирович-Данченко в Третьяковской галерее (1940 г.). Фото А. ГОРШТЕИНА.

ОЛЬГА ЕВСЕВНА ОРЛОВСКАЯ была личной стенографисткой одного из основателей Московского Художественного театра, крупнейшего театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

В течение двенадцати лет Ольга Евсеевна записывала репетиции наиболее значительных спонтанлей, поставленных Владимиром Ивановичем в последние годы его деятельности, а также его беседы с актерами, режиссерами, его статьи и мысли.

Сегодня мы публикуем воспоминания О. Е. Орловской о Владимире Ивановиче Немировиче-Данченко, которые представляют известный интерес для нашего читателя.

— **Л**ЮБЛЮ АКТЕРА, хотя знаю все его недостатки, — часто говорил Владимир Иванович. — Люблю даже запах театральных афиш, — добавлял он.

Мне хочется рассказать о том, как проходили репетиции Владимира Ивановича. На них всегда царила атмосфера настоящего творчества.

Бывали случаи, когда Владимир Иванович сердился, но он никогда не выказывал раздражения и не кричал на актера.

Помню, шла репетиция сцены «Дворец» в спектакле «Анна Каренина». Один из артистов, исполняющий небольшую эпизодическую роль, никак не мог справиться с поставленной режиссером задачей. Владимир Иванович терпеливо и довольно долго добивался успешного решения, подсказывал, говорил о внешнем рисунке образа и даже показал, как бы ему хотелось это увидеть. Но актеру роль не давалась. Владимир Иванович явно нервничал. И в чуть повышенном тоне сказал: «Неужели я на репетициях должен заниматься такими пустяками! Ведь вы же опытный актер». Но после репетиции он попросил меня зайти к нему в кабинет и продиктовал письмо, в котором просил у артиста извинения за свой тон.

Владимир Иванович, как правило, после каждой генеральной репетиции поднимался на сцену, приглашал туда всех участников спектакля — как артистов, так и работников постановочной части, вплоть до рабочих сцены, — благодарил всех за общую работу и каждому пожимал руку.

Помню такой случай. Репетировали «Три сестры». Василий Иванович Качалов работал над образом Вершинина и, казалось, выполнял самые трудные задачи, поставленные перед ним Немировичем-Данченко. Но характер, облик Вершинина, предложенные Качаловым, не соответствовали тому образу, который задумал Владимир Иванович. И вот, окончательно убедившись в этом на репетиции, он снял с роли Вершинина своего самого любимого актера (за две недели до премьеры!) и передал роль М. Болдуману.

И опять Владимир Иванович диктует письмо, в котором говорит о своем кредо в отношении к Чехову и его «Трем сестрам». «Ни для кого не секрет, что из всех «стариков» у меня к вам в душе самое лучшее место, «...как же мне быть теперь, в особенности, так сказать, в последние годы моего пребывания не только в Художественном театре, а, может быть, и в жизни...».

Закончив диктовать, Владимир Иванович задумался и произнес:

— Искусство для меня превыше всего. И этого не может не понять Василий Иванович.

С большим вниманием относился Владимир Иванович к работе над новым драматургическим материалом.

Готовили «Кремлевские куранты». На репетиции присутствовал Николай Федорович Погодин. В пьесе была ремарка, по которой Рыбаков, обидевшись на Машу, читает

книгу. Владимир Иванович никак не может оправдать эту ремарку. «Нет, нет, не может читать Рыбаков, когда у него в гостях Маша». Погодин говорит: «Владимир Иванович! Сделайте так, как вы считаете нужным».

«Нет, Николай Федорович! Меня интересует не то, что вы сейчас предлагаете. Я должен оправдать то, что вы оправдали, когда писали».

Владимир Иванович берет книгу и начинает перелистывать. «Рыбаков не читает, он только делает вид, что читает, наблюдая за поведением Маши», — наконец решает Владимир Иванович. И сцена сразу ожила.

«Владимир Иванович любил в искусстве строгую, мужественную правду, отвергая сентиментальность и слащавость».

Режиссеры сделали сцену «У Сережи» в спектакле «Анна Каренина» «плаксивой». С момента появления Анны у Сережи и до самого конца лились слезы. И это не могло не волновать и не вызывать ответных слез у тех, кто смотрел картину. На репетицию пришел Владимир Иванович. «Сентиментально», — заметил он и предложил провести сцену на преодоление слез Анны, которая всплакнула только в конце. И всем стало ясно, что картина от этого только выиграла. Она стала строже, волновала еще больше. Рывания, а не слезы подступали к горлу. Плакал и Владимир Иванович.

Бывало, актер или актриса спросит: «Владимир Иванович! А можно мне сделать вот так?». «Замечательно, замечательно!» — обычно отвечал Владимир Иванович, но я, долго работавшая с ним, видела и по его лицу, и по тому, как он чертит карандашом по бумаге, что это вовсе не так уж замечательно. И знала, что он все переделает по-своему. Но как чутко это делал Владимир Иванович! Идя окольными путями, боясь спугнуть поиски актера, он постепенно подводил его к своей мысли. И делал это так незаметно, что актеру казалось, будто он сам этого добился. «Режиссер должен умереть в актере», — часто говорил Владимир Иванович. Это был один из его творческих заветов, которому он неизменно следовал.

Часто можно было услышать на репетициях: — Улыбка, улыбка! Снимите улыбку, штамп! Почему вы улыбаетесь? — спрашивает Владимир Иванович у актрисы.

— Я так счастлива!
— Счастливы? А нет ли других средств для выражения этого чувства? — Чему вы улыбаетесь?
— Я его так люблю!
— Но ведь вы не знаете, любит ли он вас.
И снова Владимир Иванович говорит о том, как надо правдиво выразить свое чувство, не ограничиваясь улыбкой.

— А вы чему улыбаетесь?
— Мне очень весело.

— Весело? Да, здесь можно улыбаться... Но снимите улыбку, она сама придет.

— О чем вы думаете? — как-то спрашивает на репетиции у актера Владимир Иванович.

— Я думаю о том, что здесь происходит, — отвечает актер.

— Да нет же, вы не о том думаете.

— Простите, Владимир Иванович! Я действительно думал о другом.

И было удивительно, как Владимир Иванович проникал в психологию актера, как бы читая его мысли.

Владимир Иванович никогда не опаздывал на репетиции даже на несколько минут. Если же случалось ему задержаться по той или другой причине, то всегда звонил в театр по телефону и просил: «Будьте любезны, скажите актерам, что я опоздаю на пять минут, и извинитесь перед ними от моего имени».

Придя на репетицию, он держал часы в ладони, высоко подняв руку, тем самым показывая, что не опоздал ни на одну секунду против назначенного им срока.

«Софья Сергеевна! Будьте любезны...» — как-то обратился режиссер к своей жене на репетиции. Владимир Иванович внезапно остановил репетицию. «Вот это именно то, чего я добиваюсь. Пожалуйста, вне репетиций называйте друг друга по имени, говорите «ты», на репетициях же прошу — только «вы» и только по имени отчеству, даже если это муж и жена». И заметил, что такое обращение создает нужную атмосферу.

На репетициях Владимир Иванович нередко садился в тот или иной ряд партера, поднимался в бельэтаж или ярусы, чтобы проверить, хорошо ли видно и слышно то, что происходит на сцене, с любого места в театре. Иногда Владимир Иванович выходил на сцену, делая указания актерам, а иногда импровизировал совершенно потрясающие «показы». Однажды он великолепно сыграл восьмидесятилетнюю старуху-няню в третьем акте «Трех сестер». Все видели перед собой настоящую няню и стояли как зачарованные, следя за игрой Владимира Ивановича. Исполнительнице это очень помогло.

О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ, интересном, своеобразном и большом художнике и человеке, можно написать еще очень много. К сожалению, в этих дорогах для меня воспоминаниях сохранились лишь отдельные, разрозненные мысли и факты, но надеюсь, что общими усилиями его друзей и соратников этот пробел будет восполнен.